

живете на ограниченной территории. С тысячами жителей острова я чувствую большую связь, чем с миллионами парижан».

Франсуа Толед — местная знаменитость. На острове знаменитостей немало. Нынешних и прошлых. Джонни Холлидей, Рудольф Нуреев, актеры, миллиардеры, певцы. Но такие же знаменитости здесь — пара пожилых островитянок, которые плетут лучшие на острове шляпы из пальмовой соломки. Или семья владельцев прославленного бара Le Select в Густавии. Туда меня приводит член нашей команды журналист Стив Кинг, чтобы показать присланное из Нью-Йорка Рокфеллером письмо хозяину Мариусу, висящее у окна в рамке.

Густавия — город-порт. Он назван в честь шведского короля Густава III и с тех пор сохраняет не только имя, но и названия улиц. Французские надписи здесь сопровождаются шведскими. Вроде бы Rue de La France, а присмотришься — Nygatan. Столько часовых бутиков, как на главной улице Густавии, я видел только на главной аллее Baselworld. Невозможно поверить, что такое количество часов может быть востребовано на двадцати квадратных километрах. Но никто островитянам не указ, они сами себе хозяева. Хотя и в составе Франции, но не в Шенгенской зоне, с собственным таможенным законодательством и с собственным правительством. Сен-Барт — один сплошной дьюти-фри, покупай — не хочу; главное — как-то до него добраться.

Я проезжаю мимо двора с тропическим садом, где играют дети. Это начальная школа, а потом надо плыть или лететь куда-то, чтобы учиться в старших классах, тем более в университете. Невдалеке от школы на холме находится церковь Успения Богородицы. При ней кладбище, то самое, где покоится Джонни Холлидей, многолетний житель Сен-Барта, который предпочел остаться здесь навсегда. Жизнь между школой и кладбищем многим приходится проживать не на острове — и не наездишься на каникулы за моря-океаны.

На острове процветает симбиоз коренных островитян и нуворишей, которые смотрят друг на друга сквозь солнечные, иногда розовые очки. Между ними нет никакой вражды, одни зависят от других, но уж точно безумные пляски с поливанием шампанским на Никки-пляже и работа на острове существуют в разных измерениях. Когда я расспрашиваю об этом милую пожилую даму, семья которой поселилась на Сен-Барте не так давно, в XVIII веке, она рассказывает о том, как испортила метрополия ее собственных сыновей: перестали беречь воду! «Каждый здесь знает: руки надо сначала намылить, а потом открывать кран!»

«Местные продукты? Какие местные продукты? Ничего нет. Даже воды», — говорит мне с гордостью повар, работающий на одной из съемных вилл. Он не совсем прав. Здесь есть тамаринд с кисло-сладко-горькими плодами и дикий хлопок, который когда-то сюда привезли и забыли увезти обратно. Но все остальное надо сюда доставлять, хотя для островитян ни в чем здесь нет недостатка.

Мы взлетаем и мгновенно оказываемся над морем. Я вспоминаю название архипелага — Наветренные острова. Их, конечно, надо отличать от Подветренных, которые обращены к пассату другой стороной. Как будто бы острова сами, как парусники на регате, идут галсами в океане. Время здесь связано с солнцем, с ветром, со сторонами света — на то и сделаны часы «Парусов Сен-Барта».